
Илья ЛУДАНОВ

ТОЙ ВЕСНОЙ

Рассказ

В середине мая, после грустных в тот год праздников, я ехал хоронить деда. В автобусе по окнам хлестнул дождь. Капли воды текли по стеклу. Дома сейчас нежная и теплая после сна Катя с раскинутыми по жаркой подушке черными завитушками волос смотрела за Ванюшкой, который, замерзнув под утро, перелез к ней греться.

Я вышел на заросшей кустами остановке. Вокруг затихли брошенные сады. Без ухода яблони и вишни, казалось, не хотели зацветать. Зато вольный бурьян пестрел белой россыпью густого терна. Душисто пахло черемухой. От веселого и по-летнему морозящего дождя я спрятался под сливами у дачи.

За оградой, на дорожке, стоял хозяин лет пятидесяти, в потерханной спецовке и темным от загара лицом. По его грубому лицу, узловатым, сухим рукам угадывался заводчанин или железнодорожник на пенсии, поколения моих родителей, из тех, что без просвета трудились и, выбравшись на пенсию, пробовали «начать жить».

Облака завернулись в себя и слетели, открыв голубое небо. Словно выжидая всю нашу тоскливую зиму, я вышел из-под деревьев и подставил бледное лицо солнцу. Оно било в глаза, но я не убирал лицо, впуская в себя тепло лучей. Мужчина в саду тоже отошел от навеса, развернулся к солнцу и распрямился, словно перед этим долго мерз и вот ловил редкий момент, чтобы согреться.

«О чем он думает? Что в его голове сейчас?» — думал я. Тут он заметил меня, кивнул přátельски, посмотрел, словно хотел сказать о чем-то, после взял от навеса лопату и стал копать.

Меня окликнул Юра, двоюродный брат. Он встречал меня. Как всегда в своем поношенном синем институтском костюме без галстука, он стоял у своей старенькой иномарки и пробовал изобразить улыбку. Мы пожали руки. В машине сидела его жена Света в бежевом летнем плаще, из-под которого выступал большой живот, и слабо махала мне рукой. После четырех лет запоздалой семейной жизни они ждали ребенка. Это было главной темой у родни. Все говорили о ее беременности почему-то шепотом, точно боялись сглазить.

В машине Юра молчал. Ему, верно, хотелось, по обычаю, жаловаться на бедлам в институте, начальников, местные власти. Все это давно было переговорено и теперь ни к чему и не нужно.

Мы свернули к селу на берегу извилистой реки. Наш семейный дом стоял у обрыва к воде. Распелись птицы: отовсюду, из-под каждого куста доносился звонкий голо-

Илья Луданов родился в 1985 году в Тульской области. Окончил Литинститут им. А. М. Горького, семинары «прозы» Павла Басинского, Сергея Толкачева. Публиковался в сборниках премии «Дебют», в журналах «Сибирские огни» (рассказы), «Новый мир» (эссе), «Приокские зори» (рассказы), «Наш современник» (сборник премии «Мост Дружбы»).

сок, полный силы и радости. Ветер порвал облака, и взвихренными обрывками они разбежались до грани земли и неба. Передо мной раскинулся левитановский пейзаж, со взгорьями, перелесками, черными пашнями вдаль, белой колокольней с блестящей в лучах золотой главой. Я глубоко вздохнул, всей грудью, впервые за много дней.

В середине прошлого века, юнцом, дед сбежал из колхоза на заработки в город. Пообжившись, сделав семью и выпустив в институты и училища детей, они с бабушкой продали квартиру и гараж, полученные в очередях на заводе, и вернулись сюда, в родовой дом, куда нас привозили детьми на лето. Эти небо и земля, река с рыбаками, петушиным кличем, зовущим мычанием теленка с заливного луга всегда вспоминались мне какой-то нарисованной сказкой, далекой и выдуманной.

Юра кликнул меня. Родня еще не съехалась. В доме я разулся, сбросил легкую куртку и прошел в гостиную, где под образами, при свечах, стоял гроб. Меня поразило голос читалки. Ею оказалась маленькая и бойкая старушка в черном платке, с таким же маленьким лицом и в очках. Она сидела в углу, из-под темной одежды ее были видны только сморщенные руки, в которых она держала псалтырь. Чтобы сохранить почтенные сумерки, было приоткрыто лишь одно окно. Старушка повернула книгу к свету и ловила страницами закатный луч. Не замедляя чтения, она глянула на меня поверх очков и сразу вернулась к книге, точно я не нуждался в большем внимании. Казалось, она думала: вот еще один явился, чтоб не обидеть родню, а не потому, что хотел проститься с усопшим, и, конечно, он ничего не смыслит в таинстве векового обряда, которым я занимаюсь.

Под ее мерный и твердый голос я подошел к деду. Как и многие покойники, он мало походил на себя живого. Вероятно, я должен был ощутить некоторое чувство, что положено при смерти близкого человека, и признавался себе, что не чувствую ничего. И это ничего, словно малое пустое пространство, словно кубик воздуха, опустилось глубоко в меня, туда, где, должно быть, находится дно души.

Мама вытянула меня за рукав из комнаты. На кухне сидел отец в черной рубашке и брюках, которые носил на работу. Он зачем-то встал и пожал мне руку. Как почти всегда, родители были напряжены и чем-то озабочены. У них словно был перечень срочных дел. Одинаково тревожными взглядами они смотрели на меня, опасаясь упустить чего-то, что я не знал.

Сделать все достойно и правильно для похорон им, так казалось, было важнее того, что дед умер, и было просто жаль его долгой и трудной жизни. И тут же ясно было, что это не так, и родители любили деда с его тяжелым характером и старческими выходками. Мама с утра бережно укрыла все зеркала, побежала в церковь за свечами и договорилась об отпевании. И кто знает, чего стоило отцу по дедовскому настоянию разыскать читалку, дивную нынче редкость. Мама откопала в пыльном ящике большую черно-белую фотографию деда с бабушкой в красивой раме, из тех, что снимали в студии по важным случаям. Она поставила снимок на стол у гроба, положила под него белую вышитую салфетку. И днем, все успев и ожидая родню, они с отцом смотрели большие тяжелые альбомы с пожелтевшими, нечеткими, в пятнах, снимками еще не старых деда с бабушкой, теток, дядьев и молодых родителей.

Теперь альбомы лежали на подоконнике окна кухни. Глядя на них, я представлял, как родители смотрели фотоснимки. Мама подала ужин. Пахло вкусно, и все же было странно есть, когда в соседней комнате лежало мертвое тело. Привычная еда будто выглядела иначе, или же я по-другому смотрел на нее. И все же я ел, потому что хотел есть, и съел много, думая, что ем будто бы назло смерти.

Нехотя, по привычке пошли семейные разговоры. Главной заботой родителей оставалась сестра, которая вновь переехала, в дальний и опасный город, и куролесила с но-

вым и богатым, а значит, вдвойне опасным мужиком (наверняка женатым). Приедет ли Ира теперь, родители толком не могли сказать. Двоюродный брат Володя, здешний предприниматель, совсем рассорился с другим братом Юрой, который меня подвозил. Причину ссоры родители не говорили, при этом делали вид, что понятно из-за чего, сейчас для ссор один лишь повод. Володя же еще набрал веса, стал как арбуз, — обхватив воздух руками, изображал отец. Жена его Лиза все жалуется на его толщину, хотя, похоже, дело в ругани и злости. Шепотом мама добавляла, что Володя уже пару раз уезжал после ссор из дома и ночевал где-то, в чем женщины сразу подозревали измену, и Лиза бесилась, опасаясь, что он, «мужик по местным меркам с деньгами», нашел себе «молодую». Отец на это кривился, махал руками и призывал не коптить воздух.

— А как Петя? — спросил я.

— Хорошо он, наверно. Уроки должен закончить, — мама взяла в руки вафельное полотенце и стала перебирать его. Она нервничала всякий раз, когда дело касалось сына сестры, который почти безотлучно жил на родительском попечении.

— Стараемся отвлечь его, чтоб он сюда часто не спускался. Сходи к нему, уж он будет рад.

Я поднялся на чердачный этаж со скошенными стенами. Петя услышал незнакомые шаги и выскочил навстречу. Я сжал его и потрепал по голове, зная, как дети это не любят.

— Ты видел прадедушку? — спросил он.

— Видел.

Я присел на детский стульчик, чтобы быть с племянником одного роста.

— А он умер!

— Да.

— А почему руки у него теплые?

— Какие руки?

— Я вчера из школы пришел, а бабушка плакала. Потом она стала всем звонить. Я пошел к прадедушке, а он лежал на кровати с открытыми глазами и не шевелился. Я хотел посмотреть часы у него на руке. Они такие большие и золотые. Я спросил, а он не говорил ничего. И взял его руку, посмотреть часы. И рука была теплая. А потом бабушка меня увела и сказала, что он умер. А в кино говорили, мертвецы — холодные!

Черт бы побрал сестру, подумал я. Сейчас здесь должна была быть она, и он должен говорить это ей.

— Так бывает, наверное. А я привез тебе подарок. Хочешь, покажу?

— Хочу! А какой? Новый телефон?

— У тебя и старый хороший.

— Да не, у него камера всего десять мегапикселей.

— Это подарок для походов. Пойдем в поход? — я достал из-за спины футляр и вынул небольшой бинокль.

— А это для чего?

— Чтобы хорошо видеть то, что далеко находится.

Петя вертел его в руках и глядел не в те окуляры.

— А когда пойдем в поход?

— Скоро. Летом. Когда тепло будет. Возьмем с собой палатку, спальный мешок и пойдем по реке. А может, поплывем?

— У тебя есть лодка?

— Ну, можно одолжить у рыбаков.

— Они не дадут, — Петя глядел с сомнением.

— Значит, пойдем пешком. Я привезу маленького Ваню. Помнишь своего двоюродного брата? И пойдем в поход.

Я сел на пол, откинулся к стене и стал рассказывать Пете про поход. Говорил и представлял, как мы собираем рюкзаки, выходим рано утром и промокаем в росе. Как скоро обсыхаем в ранней жаре, ловим кузнечиков, спорим, кого изображают облака, и считаем за кукушкой; как рыбаки не дают нам лодку, но не по вредности, а потому, что суденышко обветшало и прохудилось, и мы идем по лугу мимо жалобно мычащих телят, срезая лихие извилины реки, и обжигаем крапивой руки в коротких рукавах; пробираемся глухими оврагами с веселыми ручейками на дне и как пьем из них холодную вкусную воду. Чем дальше я рассказывал ему, тем дальше в мечты уходил наш поход и тем больше я отдыхал от работы, глупости и безумия.

— А полезли на крышу, — Петя вспомнил, как пару лет назад мы разведали туда ход через окно в коридоре.

— Давай, — вдруг согласился я.

Стараясь не шуметь, мы пробрались на крышу сарая, что примыкала к дому. Она была пологая, и мы легли на нее.

Теплая ночь заявляла лето. К ночи ветер прогнал облака. Над рекой светился половинчатый месяц, а в черной пустоте рассыпались звезды. От реки веяло свежестью. Дышалось глубоко. Я же еще не видал в этом году таких звезд и неба, думал я. Почему мы так редко смотрим на небо? Мне стало немного страшно, словно я впервые заметил, что от неба и космоса нас ничто не отделяет и нет никакой защиты от его бескрайней пустоты. Если пойти в нее и двигаться прямо, можно достигнуть звезд. Между нами пустота, просто пустота, думал я. Мы ходим по земле, и над всеми нами висит эта черная бесконечность, просто и прямо над всеми нами.

Я взглянул на Петю. Затаив дыхание, он лежал рядом. Глаза его блеснули в свете луны и звезд.

Спустившись обратно, мы разошлись по комнатам. Уморенный дорогой, я провалился в сон. Он показался мне такой же неведомой бесконечностью, что блеснула над нами, только та находилась наверху, а эта под нами, в земле, в ней не было звезд, а только испещренная пещерами и ходами темнота.

Когда я утром вышел умываться и завтракать, съезжалась родня. Во дворе лоснился в утренних лучах громадный внедорожник. Он искрился хромированными деталями и утопал в молодой траве. Это значило, приехала тетя Вера, старшая сестра отца, женщина громкая, сварливая, с напором характера, должностью и деньгами. Когда я появился на кухне, она, как обычно, уже взяла управление всем в свои толстые руки с набухшими пальцами, на которых через складки кожи блеснули золотые кольца, и раздавала команды. Всех нас она держала за подопечных и никчемных, относясь к нам, как медсестра к пациентам, которые ползают по больничным коридорам в пижамах и вызывают жалость.

— А, вечный студент! — тетя Вера стояла посреди кухни, уперев руки в бока и оглядывала меня.

Они обсуждали с родителями похороны и поминки. Ей все не нравилось, как они устроили. Венки были вялые (хотя пластмассовые), крест простой сосновый, а не дубовый; гроб, который она заказала в областном центре за сотню километров, тоже не угодил: тете Вере он казался низок, на одном лакированном углу она обнаружила скол и теперь поносила похоронную компанию, но не за брак, а за то, что те втридорога содрали за доставку гроба.

— Достается же ее подчиненным, — шепнул мне Петя, вытягивая с тарелки поминальный блин.

Петя выглядел немного зашибленным. Тетя Вера при встрече зажала его, приговаривая: «Сиротинушка ты моя! Исхудал совсем!» У мамы набухло под глазами. Отец что-то хмыкнул под нос и, махнув рукой, вышел во двор. Намек на сестру, которая не объявлялась три месяца, и Петя снова жил с родителями, у которых, видимо, исхудал, был слишком прямой. Мне стало обидно, и я хотел уже что-то выпалить ей в ответ, но удержался. Сестра не в первый раз пропадала. Когда дед умер, до нее не дозвонились, отправили сообщение с временем похорон и не знали, будет ли она.

Вошли Юра со Светой. С ними вернулся отец и объявил, что подъехал автобус. Работники похоронной службы, крепкие мужики с простыми, гладкими лицами стали примерять, как выносить покойника, где нужно повернуть и как пройти, чтоб не уронить, — ни с кем при том не здоровались, точно им некогда. Среди них выделялся бригадир, высокий парень с широким круглым лбом. Он давал указания остальным. За всем наблюдал маленький сухой человек с заостренным лицом и большими ушами, похожий на бухгалтера, в брюках со стрелками и кожаном пиджаке. Он объяснял отцу, как все будет устроено, за что какая оплата, и показывал сметы. Отец растерянно смотрел в бумаги и согласно кивал. Тетя Вера взяла из рук бухгалтера бумаги и стала бегать глазами по страницам.

Мы вышли во двор. К громадному внедорожнику прибавился еще один, такой же, только ярко-красного цвета. С неохватным букетом роз из него вылезал Володя с женой Лизой и дочерью-подростком Таней. На ней были большие черные очки, рваная джинсовка и розовые кроссовки. Завязывая на ходу в волосах черную ленту, тетя Вера обогнала процессию и стала тискать Таню.

— Ух, ягодка моя! И как родители разрешили тебе в таком виде приехать!

Таня, стесняясь бабки, вырывалась.

— Ма, куда цветы? — Володя стоял, загороженный букетом, снизу торчало только круглое пузо.

— Отдай Лиде, — тетя Вера отпустила Таню.

Лида, младшая сестра отца и полная противоположность старшей, тети Веры, стояла тут же с Юрой и дочерью Леной — точной своей копией на двадцать лет моложе — такой же бледной, тонкой и настолько незаметной, что в первую минуту с ними забыли поздороваться.

Подошли остальные. На табуретки поставили гроб. Из-за его края виднелась седая, с редкими волосами, голова деда. Все мы смотрели на него с одним семейным чувством. Папа обнялся с сестрой Лидой. Тетя Вера стояла тут же. Все трое, похоже, плакали.

У автобуса стоял крест на могилу. Когда процессия тронулась, я подхватил крест и, обогнав всех, вышел вперед. Во мне проявилось странное чувство гордости — за тяжелый характер сумасбродного деда, за чудную и непутевую родню, за такого же себя, это увязшее во времени село, дорогу с курами, реку с телятами, за это небо. Все и так болото. Подтверждение я видел кругом. В морщинистом старике на завалинке, с черным выгоревшим лицом и руками в паутине синих татуировок; в огромной, с разваливающейся в стороны грудью тетке в грязном халате, ведущей телка на выпас, в беззубых ребятах на велосипедах в пыли обочины.

В церкви мама раздала тонкие свечи темного воска. Мы зажгли их друг от друга. Отпевание было подобно видению. Плавно, то снижая, то повышая голос, гудел священник. Что он говорил, непонятно. Я не знал, что он напевал, и казалось, никто не понимает и потому не знает, когда и зачем креститься. Все только чувствовали, что нужно креститься, потому что положено, и не знали, что будет, если не креститься, и не разлит ли это священника. Я тоже не знал. Казалось, это зависит от веры, но

я не знал, верю я или нет. Только чувствовалось, как ломит быстро уставшее тело. Когда служба кончилась, я встал в конец очереди прощаться. Дед лежал так же, как и раньше, это было просто мертвое тело, оболочка, в которой ничего не осталось от того деда, умного, вьедливого, жадного до хозяйства и заботливого о семье, которого я знал. Я дотронулся до его пустой руки, взглянул в иссохшее лицо и скорее отошел к окну.

На каменном полу вместе с нашим еще два гроба. В одном — старушка с иссохшим лицом и острым носом. Третий гроб с закрытой крышкой в стороне, у яркого маленького окна. Рядом черные фигуры. Они не плакали. Двое были в форме, а на крышке гроба лежала какая-то ткань. Оказавшись ближе, я разглядел на крышке гроба военную форму и морскую пилотку. Рядом стояла маленькая женщина лет тридцати и прижимала к себе двух детей, мальчика и девочку. Она не плакала, лицо ее застыло. Дети не понимали, что происходит, и рассеянно глядели на гроб, знакомую форму, священника в облачении и поднимали головы, желая спросить у матери, долго ли им тут еще стоять. Мать не смотрела на них, а только, словно боясь упустить, что было силы прижимала к себе.

На парковке у церкви мы увидели дорогой спортивный автомобиль и рядом сестру. Ее легкое, летнее платье с вышивкой в цветочек развевалось на ветру.

— Чуть не опоздала, — она обняла родителей.

— Опоздала, — сказал я.

Ира сделала вид, что не услышала.

— Найки так гнал, старался. Но до вас так далеко!

Подошел Петя и стал ждать, когда мать его заметит.

— Петенька, солнышко! — Ира бросилась к нему. — Да ты подрос! — целовала и трепала по голове она его.

— Успел, — сказал я.

Мама подняла на меня уставший взгляд. Я пожал плечами.

— Пойдем, покажу, что мы тебе привезли! — Ира потащила Петю к спорткару.

Сколько Петя ни был обижен на мать, вцепился в нее, как в единственную радость.

Из иномарки выскочил молодой парень, загорелый, бритый наголо, с толстой золотой цепью на шее и перстнями на пальцах. Одет он был во все черное и дорогое, в черных очках и белоснежных кроссовках, отчего казалось, что наряд выбран не по случаю, а по стилю. Когда мы подошли ближе, я разглядел на лице его несколько маленьких татуировок с непонятными знаками.

— Мама, папа, это Найки! — Ира приобняла его и сказала гордо: — Он — рэпер!

Найки кивнул всем. Родители глядели на него, не зная, что сказать. Найки протянул нам руку. Спыхватившись, отец пожал ее, а следом и я.

— Найк — это как спортивная фирма? — без капли иронии спросил я.

— Не Найк, а Найки! — поправила меня сестра.

— Это бренд. Новое движение. Старики уходят, теперь — мы, — продекламировал он ритмом, напевая. — Продюсеры выбрали имя. Знакомо и ни на кого не похоже. Только это секрет, — улыбнулся он. — Круто вышло.

Пока он говорил, я смотрел на сестру и впервые заметил, как сестра начала стареть. Не сеточкой морщин около глаз и не избытком косметики, а всем лицом сразу. Со всем немного, чужой бы и не заметил. Но время уже коснулось ее. Ира заметила мой взгляд. Мне нужно было отвернуться, но я не успел — она догадалась и смотрела на меня со злостью, точно допустила промашку, в которой винила меня, отменить этого она не могла и оттого злилась еще сильнее.

— Пойдемте, — сказал отец.

Мы повернулись в сторону процессии.

— Там все уже готово.

— Надо успеть проститься, — сказала Ира и немного растерянно вдруг добавила: — А где же бабушка?

— В гробу, — Петя указал на могильщиков, которые зашли на кладбище.

Мы плелись позади могильщиков. Я тащил венок, который колот меня в автобусе. Памятники стояли часто новые, обложенные плиткой, с коваными узорчатыми оградами.

— Какие все молодые, — охнула впереди Ира. Она шла, обнимая Петю.

Я пригляделся к лицам на памятниках. На нас смотрели молодые ребята или мужчины не старше сорока-пятидесяти лет. Некоторые были изображены по пояс или в полный рост. То были рослые, сильные люди, с короткими стрижками, в пиджаках или толстовках. Чаще всего они улыбались, глядя на нас, или решительно смотрели вперед.

Родители приглядели хорошее место у оврага. Мы обступили глиняную насыпь по сторонам ямы.

— Опускайте, — за всех сказала тетя Вера.

Гроб спустили на веревках.

— А я его знаю, — прошептала мне на ухо Ира.

— Кого? — не поворачивая головы, спросил я.

— Вот этого могильщика, здоровяка, — она кивнула на высокого бригадира с круглым лбом. — Не помню, как зовут. Мы с ним встречались в старших классах.

Я едва не выронил венок.

Могильщики скоро и умело засыпали могилу. Маленькие кудрявые облака на небе занимали все голубое пространство, были так точно выписаны и правильно расставлены, словно их нарисовали. Облака говорили: мы, красивые и легкие, радуемся солнцу и весне, никого не мучаем, не убиваем, не делаем зла и потому живем в небесах.

Вдруг закричали чайки. Над нами кружили несколько больших белых птиц. «Откуда они здесь, на кладбище? Зачем?» Чайки кружили, прерывая тишину скрипучими голосами, и то ли жаловались, то ли просили чего. «И зачем у них такие скрипучие голоса?»

Чайки улетели, и раздался приглушенный ветром детский плач. Мы оглянулись. Вдалеке от нас тоже хоронили. Я увидел, как маленькая фигура женщины упала на черный холм земли.

Местом для поминок служила школьная столовая, давая приработок двум поварихам. Эта пара похожих грузных женщин, широких, всегда веселых, с круглыми, как спелые яблоки, щеками и будто нарочно курносными и крупными носами, накрыла сдвинутые столы, поставила холодное и закуски и теперь стояла в стороне, приглядываясь, нужно ли гостям чего.

Долго все молчали, не зная, как устроиться, со скрипом двигали стулья по плитке в пустом звучном зале. Кто-то переговаривался и звонил, решая дела. Когда разнесли кисель и блины, поднялась тетя Вера:

— Давайте помянем нашего папу.

Только тут все затихли и расселись, будто вспомнив, зачем собрались. Юра отложил едва надкусанный блин.

— Никогда не мог есть на поминках. Кусок в горло не лезет.

Тетя Вера и Володя, оголодав после дороги и похорон, ели вволю. Что-то усиленно жуя, Володя с усмешкой поглядел на Юру и покачал головой. Света, сидя по левую руку от Юры, глядела в пустую тарелку.

- Ты как? — спросил он. — Не тошнит?
- Сидевшие рядом оторвались от еды. Испуганная вниманием, Света огляделась, но, увидев доброе участие к ней, успокоилась.
- Все в порядке.
- Она помолчала, обдумывая и решаясь, нужно ли говорить. Затем положила руку на живот и сказала:
- Интересно все-таки. Такая большая жизнь... и трудная. Мы с Юрой, как ни приедем, бабушка все делает что-то, возится в сарае, то с курами этими, то в огороде. А ведь ему было... под девяносто! Девяносто лет — жутко представить!
- Все поглядели на нее, думая, что ответить.
- Уж сколько матери нет, — нашелся отец. — Так он лет десять после нее корову держал.
- Всю жизнь работал, нас троих вырастили, — поддержала тетя Лида.
- Это не то что сейчас, — то ли подхватила, то ли перебила тетя Вера. — И подгузников-то не было. Марля одна. Три месяца — и на работу. Так они тут уже лет под сорок...
- И все время жили только здесь? Никуда не выезжали? — с простой искренностью удивилась Ира.
- У них как-то все было по-другому, — отозвался Юра. — Насколько знаю, дед никогда не летал на самолете, например. И ни он, ни бабка, конечно, за все девяносто лет не были за границей.
- Да какие заграницы! — возмутилась тетя Вера, поперхнувшись котлетой. — Все наше детство на картошке да со скотиной — коровам хвосты крутить.
- И на море не ездили? — продолжала удивляться Ира.
- Дед, я думаю, и на море-то не был ни разу, — Юра посмотрел вопросительно на тетю Лиду.
- Когда они с мамой на заводе еще работали, была раз путевка в Минеральные Воды, ездили. А на море... — она старалась вспомнить.
- Не был на море?! — воскликнула Ира.
- Ей никто не ответил. Она переглянулась с Найки. Тот смущенно улыбнулся. Ира опустила глаза, точно стеснялась свежего пляжного загара. У Найки зазвонил телефон. Он извинился и вышел.
- Да что дед! — будто сам себе, но так, чтобы все слышали, сказал Юра. — Что там дед. Родители тоже за границей не были.
- Вы никогда не выезжали из страны? — спросила Лена.
- Нет, — снова пожала плечами тетя Лида, словно ей было неудобно непонятно за что.
- Точно, и мама с папой не были, — тихо, будто узнав какой-то секрет, проговорила Ира.
- Да и нечего! — выждав момента, выпалил Володя. — И нечего там делать!
- Ну, это известно! — рассмеялся Юра.
- Пап, а вы с мамой когда-нибудь хотели поехать? — сестра смотрела на родителей удивленно и с любопытством.
- Как-то нет, не думали, — равнодушно отозвался папа, точно не относил себя к разговору молодежи.
- Да нечего там делать! — снова крикнул Володя, глядя прямо на Иру.
- Она не повернулась к нему, смотрела на отца, но говорила для всех.
- Ну так, мир посмотреть. Мы ж... — усмехнулась она, — на планете живем, она большая и очень красивая.

— Только деньги катать, — ответила за него тетя Вера. — Это ж сколько надо! Вместо того чтобы работать. Мы вот работали всю жизнь, пахали. Чтоб вас прокормить, — она сказала, будто ткнула в Иру пальцем. — Это вот молодежь все катается! — тетя Вера махнула рукой.

— Да полна страна лоботрясов! — поддержал мать Володя. — Знаем мы таких, за душой ни гроша, живут на съемных квартирах, зато по заграницам мотаются!

— Ездим — это же здорово везде побывать. Мир... прекрасен, — тихо проговорила Ира.

— Да знаем мы таких! — Володя махнул рукой, точно как мать. — Ну, теперь не скоро поедете.

Большинство делали вид, что они на стороне Володи. Они никуда не выезжали и поддерживали его как своего, и тут же каждый думал, что правда за молодежью. Почувствовав это, в защиту Володи стала говорить его жена Лиза. Она рассказывала, как он рано встает и как мало — из-за работы — бывает с семьей. Об их новом построенном доме и еще одном — для сдачи в аренду — только купленном. О новой машине, вдвое дороже прежней, и лучшей в городе школе для Тани. Говорила она, прибавляя себя к успехам Володи как его поддержку и соратницу и Таню как преемницу семейного дела. Все слушали с уважением и вниманием, согласно кивали, поглядывали на Володю, который почтительно не перебивал жену, на тетю Веру, сидевшую с гордым видом, и каждый, особенно среди молодежи, думал, как это правильно, достойно и как же невыносимо скучно.

Когда Лиза закончила, любой бы согласился, что правда на стороне Володи. Тогда Света, с рукой на животе, снова глядя перед собой в пустоту, спросила:

— Почему же нельзя вместе с семьями ездить и жить во всем мире?

— Да нужны мы там кому! Им бы только ресурсы наши, нефть вывозить. Протяни им руку — оторвут! Нет, спасибо, мы сами как-нибудь, — сказал Володя.

— Вот уж точно — как-нибудь, — подхватил Юра.

— Да уж лучше, чем прислуживать.

— Зачем, кому прислуживать? Ты-то откуда знаешь?!

— Да говорят везде, по телику вон.

— А ты сам-то там был? — не отступал Юра.

— Да нечего там делать. Чего я там не видел...

— Ничего ты не видел! Сами все якаем, а что есть-то? Ты говоришь — они от все что-то хотят. А сами же мы все из-за границы и тащим. Ну вот что тут есть нашего? Все шмотки на нас, мебель вот эта, стулья, столы — что тут нашего-то?

Некоторые оглянулись.

— Сумка из Испании, сапоги польские, — откликнулась Ира.

— Хорошие, — сказала тетя Лида.

— По Интернету заказали. Через неделю пришли.

— Лид, а помнишь, как мы за югославскими туфлями стояли? — улыбнулась воспоминанию тетя Вера.

— Это в январе-то. При Союзе еще.

— Ага, в восемьдесят втором, кажется. Холод жуткий, под тридцать, народу... и вдруг — туфли дают! Летние! И очередь сразу.

— До ночи стояли, такая очередь.

— Уже магазин закрывается, а мы — как хотите, продлевайте работу! Потом до нас как дошла очередь, и говорят: все, закончились, нет туфель! Мы: как нет? Ну-ка давайте. Нет, кончились. Быть не может того, хоть из-под земли доставайте! Не уйдем без туфель. Взяли и прям сели в магазине на пол. Чего столько мерзли! Они: сейчас милицию вызовем! Ну и пожалуйста. Не уйдем. Они забегали, задержались, а туфли-то отдали...

- Откуда ж они их взяли?
- Припасены, значит, были. Для своих.
- Мам, а помнишь, ты рассказывала, как в Москву за продуктами ездили? — спросила Лена.
- А то, на дизеле, а потом на электричке, — тетя Лида хотела улыбнуться воспоминаниям, но не получалось. — Полные сумари колбасы этой набьешь и по пять часов в один конец. И все так ездили.
- Жуть жуткая, — отозвалась Ира.
- Это еще чего. Мама — бабушка ваша — рассказывала. Ей лет пятнадцать, после войны было. Денег нет, одна картошка. И вот они копали, она нагрузит мешок, за спину его — и в город на базар. Пешком, а там километров семь. И продавала.
- Быть не может, — сказал Юра.
- Ха, — усмехнулся отец. — А вы про границы, самолеты. Еды не было.
- Но должно же все как-то меняться... развиваться как-то, — сказал Юра.
- Да кто тебе мешает? — ответил Володя. — Зарабатывай, развивайся и скажи спасибо, что разрешено. Дед, вон, всю жизнь свое дело хотел открыть, а нельзя было.
- Эх, ну как же я забыл в ножки-то поклониться, поблагодарить светлейших, — вскинул руки Юра.
- Да ты поблагодари, поблагодари. Есть за что. Ты, между прочим, работаешь в государственном институте. Зарплату из бюджета получаешь. А еще нос воротишь.
- Я никому ничего не должен, Володя, — нахмурился Юра, впервые назвав брата по имени. — Никто здесь никому не должен, — он обвел выставленным вперед пальцем стол.
- Володя пожал плечами. У Найки снова зазвонил телефон, он встал из-за стола говорить. За ним вышла в туалет Таня.
- А что дед пытался открыть? Какое дело? — спросила папу Ира.
- Да и не знаю, все хотел что-то, пробовал. Мебель делал, ремонты. На заработки ездил.
- Дело свое хотел, чтоб не зависеть и чтоб самому по себе, — сказала тетя Вера. — Тогда нельзя было. Мы продолжили, — она показала на себя и Володю.
- А вы с мамой никогда не хотели что-то свое начать? — Ира спросила папу.
- Тот пожал плечами.
- Мы всю жизнь работали на своих работах.
- Ну это вы работали на государство, на предприятия. А чтоб самим зарабатывать?
- Не знаю... мы и не умеем, наверное, — неопределенно ответил отец. — У Веры, вон, получилось, и хорошо.
- Тетя Вера для того пахала, как лошадь, — откликнулась та. — Знаем, почему фунт лиха.
- А у вас как получилось? — спросила Ира. — С самого нуля-то?
- А правда, мам, как? — вставил Володя, точно вспомнил, что никогда не интересовался родительским капиталом.
- Да как, пять лет на базаре простояла. С семи утра, — откликнулась тетя Вера. Ей не хотелось вспоминать трудные годы, но это было полезно для младших. — Один выходной, понедельник. Потом первый магазин, еще три года сами за прилавком. Второй магазин. Поставили продавцов. Дальше вложились в маршрутки. Через год нам их сожгли.
- Как сожгли? — удивился Володя. — Это какая тварь?
- Они свое получили, — махнула на него тетя Вера. — Пришлось сначала начинать с вашим отцом, царство ему небесное... и так долго и потихоньку... Полегчало, только когда, наверное, вышла в депутаты. Шелупони меньше стало приставать.

— А вы так не хотели? — спросила родителей Ира.

Они переглянулись, папа снова пожал плечами, мама стала оглядывать всех, кому чего подложить из блюд.

— Работали и работали, — спокойно и твердо сказал отец. — На своем месте. Ты ж знаешь, мы с мамой как вернулись после института, так здесь и работали, я на заводе, инженером, она в собесе.

— Что, за неудачников родителей считаете? — тетя Вера посмотрела на Иру, точно проверяла ее. — Ну мы-то работали, пахали, чтоб прокормиться, вас поднять. Мы каждый рубль считали. А вы что? Чего добились? Образование вам — пожалуйста, только плати. Крутитесь по своим дискотекам...

— Тетя Вера, нет уже давно никаких дискотек... — усмехнулась Ира. Она смотрела на тетю, как на скучного учителя.

Тетя Вера отмахнулась.

— По заграницам крутитесь, как шальные, а за душой-то что у вас? Гольфьба.

Ира смотрела на нее открыто и улыбалась.

— Да, у нас хотя бы результат, — откинулся на спинку стула Володя, поглаживая округлый живот, словно это и был его результат. — Мои бизнесы за год делают мне сто тысяч долларов.

Он хотел продолжить, но остановился, ожидая эффекта. Для большинства за столом эта сумма мало о чем говорила, поскольку они не могли охватить ее умом.

Найки только вернулся после очередного разговора и сидел с видом, что находится здесь только потому, что должен. Он переглядывался с Ирой и Таней, которая все время расспрашивала его про рэп и песни. Услышав про деньги, Найки оживился:

— Если мы решили мериться суммами, то у меня за прошлый год вчетверо больше. С концертов и продаж в сети, — он говорил так, словно этими цифрами защищал Иру от нападок.

Володя выпучил глаза, быстро справился с собой и отмахнулся.

— Да попса на потребу! Вы же все одноразовые, как... — он не сказал, как что. — Сегодня вы есть, завтра появятся другие и сольют вас. Будете по корпоративам свой рэп под фанеру бубнить. Как попса девяностых годов.

— Я под фанеру? — теперь пучил глаза Найки и, задыхаясь, больше ничего не сказал.

— Папа, рэперы не поют под фанеру! — через весь стол крикнула Таня.

— И они называют это — поют! — хмыкнула тетя Вера.

— Да знаем мы! Сорвете куш и думаете — у Бога за пазухой. Деньги из воздуха делаете, а мы своими руками, — Володя поднял руки, словно показывая, какими руками он делает деньги. — Все просто у вас. А реального ничего-то нет. Разрисовались с головы до ног и трахаетесь со всеми подряд.

Найки посмотрел на него со смехом.

— Ну... Владимир, кажется? — уточнил он. — Давайте не будем заходить на личное пространство. Я бы попросил. Мы с вами не так близки. Все знают, что я бисексуал, это моя публичная позиция...

— Кто? — спросил значение слова кто-то у соседа по столу. Ему что-то зашептали в ответ.

Остальные смотрели в сторону Найки, как на диковинное животное, которое давно было рядом, но только сейчас все его заметили.

— Мы выступаем за свободу выбора, — продолжал Найки. — И в отношениях тоже. Это важная тема в моем творчестве.

— Вы об этом поете в своем... рэпе? — спросила с недоверием тетя Вера, точно животное, которое все увидели, оказалось опасным.

- Это одна из главных тем моего последнего альбома.
- Чего, чего из тем? — снова спросил кто-то.
- Работа над ним заняла целых три года, — вкрадчиво и, кажется, впервые искренне за сегодня сказал Найки.
- Всю весну у Найки был тур по России и СНГ. Теперь готовится по Европе, — объявила Ира.
- Да в эту Гейропу вам всем и дорога! — рассмеялся Володя.
- Никто не засмеялся в ответ.
- А что такого, это что, запрещено? Как в совке? — собралась и выпалила Ира. Она чувствовала, что должна защитить Найки, и ждала момента. Ей хотелось показать ему свою силу. — Это наше дело, личная жизнь. Или что-то не так? Каждый живет, как хочет. Разве не так? Да, мы за свободную любовь. И стесняться тут нечего, — она взяла руку Найки. — Эти темы замалчиваются в обществе, и оттого только хуже. Общество не развивается. Это наш личный выбор. У меня тоже был опыт с женщинами — и что такого?
- Над столом зависла тишина, которая должна была взорваться бурей или схлынуть, как морская волна с берега.
- Ты выбрала удачный момент, чтоб просветить родителей, — тетя Вера отрезала кусок голубца, когда говорила Ира, но теперь бросила его и отпила киселя.
- Еще и при ребенке, — тихо, но так, чтобы все слышали, бросила Лиза.
- Все сочувственно посмотрели на Петю. Он затравленно оглядывался, сожалея, что его заметили.
- Кто-то вспомнил, что они на поминках, и предложили помянуть деда. Мама переглянулась с папой и тетями. Те с усилием кивали, желая заканчивать. Мы с Юрой напомнили, что хотели заехать в дедовский дом.
- На улице Таня о чем-то оживленно расспрашивала Найки, стоя у спорткара. Подошли Володя с Лизой.
- Папа, можно я поеду с Ирой и Найки? Они обещали рассказать мне про Дубай! — с азартом просила Таня.
- Да какой Дубай! Быстро в машину! — буркнул Володя расстроено. Он знал, что бурчит, точно зануда, и не любил так с дочерью, но сейчас хотел именно бурчать и выглядеть занудой. Пускай считают меня валенком, думал он, оно и лучше.
- Папа, я сама могу решать, где поехать! — крикнула Таня и пошла к родительскому джипу.
- Володя сверкнул глазами ей вслед.
- Ну, спасибо! — оглянулся он на Иру с Найки.
- Ладно вам, все в порядке, — они сели в спорткар, и тот с ревом сорвался с места, оставляя клубы пыли на сельской дороге.

Без деда все в доме выглядело притихшим. На лестнице, в коридоре и комнатах стыла тишина, в которой хотелось двигаться медленно и без звука. Скрип ступеней отдавался по всем стенам, стропилам, лагам, половицам.

Я открыл дверь на чердак. У маленького грязного окошка, распуская пыль, в бабушкином сундуке копалась Ира. Рядом на диване, который жаль было выбросить, сидели Петя, мама и Света.

— Вот что за вышивка! — Ира достала белую блузу с народной вышивкой на груди. — И какая легкая, льняная, реальный винтаж. Правильно бабушка нас к сундуку не подпускала, я б сразу стащила.

— Красивая, — Петя смотрел на мать, а не на блузу.

— Ты мне не показывала никогда! — сказала Ира маме.

— Если б ты появлялась не раз в полгода...
— Ой, опять вы, — вздохнула Ира. — Какие полгода! Я работаю! Иначе так и будешь сидеть...

Света держала руку на животе и смотрела на Иру с укоризной и завистью.

— Можно я возьму? — Ира прижала блузу к груди. — У Найки первый концерт в Берлине, это будет разрыв!

Мама пожала плечами и улыбнулась. Ира взвизгнула и спрятала блузку в сумку.

— А я поеду? Возьмете меня? — спросил ее Петя.

— Петя, милый, это очень тяжело! Там перелеты и гостиницы... у нас очень плотный график! С тобой совсем некому сидеть.

— Со мной не нужно сидеть, — насупился Петя.

— Дорогой, поживешь немного у бабушки, — Ира стала гладить его по голове и приобняла. Я приеду недели через две. Ну, может, через три. И запишем тебя в школу.

— Да мы и сами запишем, — едва заметно вздохнула мама.

Когда мы спустились, мама повела Петю кормить, Света отправилась искать Юру, а Ира — Найки. Мы с сестрой вышли во двор.

— Ты совсем забыла про него. Он все время про тебя спрашивает.

— Давай не будем, — Ира сделала гримасу.

— Сначала тот мудак бросил тебя на восьмом месяце, теперь ты Петю.

— Что?! Я делаю, что могу! Это у тебя там любовь-морковь, семью изображаете, а я одна воспитываю ребенка! Все на мне!

— Ты хочешь начать новое, закрыв старое. Но это и есть ты, твоя история. Петя и есть ты. А тебя с ним нет совсем.

— Ты тоже уехал! И приезжаешь раз в год по праздникам! — лицо Иры смешалось, по нему метались разные чувства. Ей было стыдно за сына, добавились ярость на меня, обида и возмущение, которые душили ее. — Ты тоже уехал, еще раньше меня! — она вцепилась в меня глазами. — Потому что здесь нечего ловить! И никто тебе ничего не сказал! А я теперь виновата. Все, хватит! Никто не вправе осуждать. Никто ни за кого не в ответе! Каждый сам за себя, и ты это знаешь.

— Он совсем один растет. Этого ты не отменишь, — говорил я спокойно.

Она вспыхнула и набрала воздуха, чтобы ответить, когда мы услышали крики из сада. Мы переглянулись и побежали туда.

За углом серого, с трухлявыми досками сарая Володя набросился на Найки едва не с кулаками и яростно хрипел что-то ему в лицо. Между ними стояла Таня, сдерживая отца. Рядом голосила Лиза.

— Да что такого! Хватит! — кричала Таня.

— Ты чего делаешь, мудозвон крашеный! — рычал Володя, красный как рак.

— Я сама, сама видела! — визжала Лиза. — Ей же пятнадцать!

Я кинулся к Володе, Ира заслонила Найки.

— Я сама разберусь! — кричала Таня. — Я сама его попросила!

— Что за зверство! — возмущался куда-то в сторону, для себя, Найки.

— Урою! — гудел Володя.

Из дома бежала Света, ее удерживал Юра.

— Ну куда, куда ты!

Оставив Свету на пороге, Юра побежал помогать нам. Из окон смотрели тетушки с родителями.

Наконец, Володю и Найки развели. Найки возмущенно пыхтел и отряхивался, словно пытался стереть следы чужих рук. Володя сопел, как бык, водил кровавыми глазами по сторонам.

- Вы чего? — крикнула Ира.
- Мы чего?! — вторила ей Лиза, вцепившись Володе в руку. — Рэпера своего спроси, как наркотики детям подсовывать!
- Ира взглянула на Найки.
- Она интересовалась травкой, говорила, никогда не пробовала. Я сказал, у меня есть немного, и она попросила затынуться.
- Ира посмотрела на Таню. Та молчала.
- Это не наркотики. Чего вы набросились?! — крикнула Ира, отступая вместе с Найки назад.
- А не хрен! — Володя точно выплюнул фразу.
- Ему не удалось выместить ярость, и теперь бешеный взгляд остановился на дочери.
- А ты чего? Чего творишь! Дури в башке мало, решила еще добавить?! Он дернул рукой, пытаясь то ли схватить, то ли толкнуть Таню.
- Володя! — вскрикнула Лиза и повисла у него на руке.
- Папа, ты чего, — оторопела Таня и отступила назад.
- Домой, в машину! — крикнула на нее Лиза.
- Таня смотрела на родителей с удивлением и злобой, потом оглянулась на Иру и Найки, ища поддержки, на дом, где из окна молча смотрели родители и тети, и, бормоча неразборчивые ругательства под нос и замахиваясь на кого-то руками, быстро пошла к машине. Следом за ней Лиза отводила Володю.
- Зверье, — тихо, чтоб слышала только Ира, сказал Найки.
- Она повела его к спорткару. Найки сел в машину.
- Мама! Мама! Вы уезжаете? — из дома выскочил Петя и побежал к ним. Загудел и проехал мимо внедорожник Володи.
- Вера Егоровна, мы позвоним! — высунулась Лиза.
- Тетя Вера махнула им: езжайте!
- Ира растерянно смотрела то на Петю, то на Найки.
- Мы тоже поедem, — оглянулась она на родителей.
- Петя смотрел на нее жадно, огромными выпученными глазами, которые бывают лишь у детей.
- Петя едет с нами, — повернулась Ира к Найки.
- Мы же договаривались, — устало отмахнулся он. — Ну кто будет с ним сидеть?
- Я и буду, — зло сказала Ира. — Или ты не знал, что у меня сын?
- Найки с удивлением смотрел на нее.
- Или мы едем все вместе, или я не еду, — сказала Ира.
- Он помолчал, что-то обдумывая.
- Ладно, давай. Что-нибудь придумаем.
- Скажи ему сам.
- Я?
- Да, так надо.
- Найки пожал плечами и вылез из машины. Он хотел присесть к Пете, но не решился и стоял, чуть склонившись.
- Ну что, парень, поедешь с нами?
- Петя хотел что-то сказать, но у него не получалось.
- Сделаем тебе загранпаспорт быстро, визу оформим как-нибудь...
- Сейчас все через Турцию летают, — выпалил Петя напористо.
- Ого, да ты в теме, — улыбнулся Найки.
- Петя поглядел на Иру.
- Дуй за вещами.

Мальчик кинулся в дом и не больше чем через пять минут из дома выскочил обратно, как заяц, с блестящими от слез, наскоро вытертыми щеками. Широко улыбаясь и счастливо глядя на всех, он торопливо волок за собой большую сумку.

— Куда вы? — спросил я.

— Сначала в Москву, — ответил Найки мне как приятелю. — А потом... Петя сказал, через Турцию — значит, через Турцию...

— Точно двадцать первый год, — сказал Юра. Он обнимал Свету, точно оберегал от всего вокруг, и значительно смотрел на нас. — Из Севастополя в Стамбул, а там дальше...

— Сейчас двадцать второй, — поправила его Света. Мы, заговорщически улыбаясь, посмотрели на нее.

— А вы как? — спросила нас Ира.

— А мы остаемся. Как акмеисты, — грустно добавил Юра.

Спорткар рванул, снова разгоняя пыль. Внутри взвизгнул Петя. Я оглянулся на родителей. Они смотрели вслед машине с тоской и радостью.

Вечер сгущался. На селе затихало. Большое оранжевое солнце спускалось к реке. Я вышел в глубину сада под цветущую яблоню. Она гудела пчелами и сыпала белыми, как снежинки, лепестками. Я положил руку на ствол дерева. По лохматой коре бежали муравьи. Один забежал мне на руку. Я поднес его к глазам. Это был большой лесной муравей, из тех, что выстраивают башни в чаще леса.

— Откуда ты, дружок?

Муравей бегал с пальца на палец и по ладони, слегка щекоча кожу. Я вынес его на солнечный луч. Свет заиграл на его рыжевatom брюшке. Поразительно, как точно, попадая шестью лапками в ритм и ни разу не спутавшись, он двигался, шевеля усиками и головой, и отыскивал выход с руки. Какое мельчайшее и совершенное создание! Мы все боимся за себя, за здоровье, думал я, и не мог понять, как в этом теле со спичечную головку помещается жизнь. Как природа устроила все органы, ведь и в нем, верно, бьется сердце! Сердце, желудок — все есть, он тоже есть, дышит, как мы, насыщает тело. И в этом малом теле по каким-то удивительным причинам идет жизнь. Даже в нем!

Я мог убить его, одним легким движением прекратить эту жизнь. Это показалось мне ужасно.

— Беги домой, — я присел и сдул муравья в траву. — И мне пора.

У ворот я застал отца и тетюшек. Родители глядели на меня с ожиданием. Я успокоил их, обещав привести на лето семью, и мы выехали на станцию.

Юра подвез меня к остановке. Жарко для середины мая. Воздух был дик и глух. Где-то кричали дети. Мой знакомый дачник был на своем месте, в саду, и короткой, легкой косой сбивал первую траву по ограде. Он заметил меня, кивнул, как знакомому, шумно выдохнул и с силой вытер косу травой.

— Сильна трава летом будет! — сказал он, запыхавшись, и попросил закурить.

Я кивнул. Тогда он облокотился на ограду и, сморщив лоб, спросил:

— Ну как там?

— Где?

— На фронте. А то у меня Интернет тут не принимает. Одно радио полощет, не пойму ничего.

На миг я окаменел лицом и глазами, чувствуя, как подступает весь запрятанный в глубине страх, но тут же, как мы уже хорошо научились, овладел собой, выправил лицо и выдумал книжный ответ.

— Без перемен.

— Понятно, — он сплюнул в траву, подхватил косу и стал размахисто и хорошо работать дальше.

Из автобуса я позвонил Кате. Эти два дня мы только переписывались короткими фразами, что все в порядке. Они с Ванюшкой рисовали, готовясь ко сну.

— С вокзала забежишь в круглосуточный магазин?

— Конечно, давай список.

— Хлеба надо, молока, как всегда. Сметана закончилась, и яйца.

— Давай еще хлопьев возьму к завтраку.

— Давай, тогда еще и кефир.

— Ага. Может, завтра ходим куда после работы?

— Здорово. А куда?

— Ну, хоть в наш парк, там какую-то новую карусель запускают.

— Давай, а то жарко днем.

— А потом побегаем по району.

— А кто с Ванюшкой будет?

— С нами побежит.

Она засмеялась тем легким смехом, который я так любил.

— Ну, или по очереди будем бегать. Как Ванюшка? — предложил я.

— Тебя спрашивает.

— Скажи, папка скоро приедет и зажмет его.

— Он говорит, что он тебя поборет.

— Еще чего. Передай, я его одной левой.

Она снова засмеялась. Господи, подумал я, как же я люблю, когда ты смеешься над моими глупостями.